

Кракелюры

вековые кракелюры
очертили гибкий стан,
как обветренные губы
прикасаются к устам.
лихорадочный румянец,
алебастр белых плеч.
сохранила взору память,
но не может уберечь,
в сеть загадочную кружев
погрузив туманный взор,
отступила, обнаружив
повелительный узор...
прихотливое искусство
умирающих веков
отыграло и потускло
на штыках большевиков.

Сфинкс

Земная жизнь кругом объята снами.

Ф. Тютчев

я не один. бескрайние миры
меня как сон беспмятный объемлют...
ложится снег по берегу Невы,
укрыв гранитом скованную землю.

как древний сфинкс, ты прячешь в полумрак
черты былого и во тьме грядущей
подстерегаешь сонный Петроград
как Мышкина, сраженного падучей...

Воспоминание о Царском

я вспомнил Царское Село,
его бессмысленные взору
туманы в утреннюю пору
и сиротливый блеск всего...

короткий век его весны
напоминает мне гробницу
и жизнь царей — как небылицу
среди разбросанной листвы.

вдвойне мне кажется печальным,
что юный Пушкин, здесь бродя,
назвал отечеством тебя
и жизнь другой, и берег — дальным...

Венециановская муза

я говорю, как вы красивы,
глаза как бабочки у жниц,
и губ незрелые маслины,
и тень на золоте ресниц,

и вам смущение к лицу —
снимая с туфельки пыльцу,
вы опустили взор украдкой,
внимая ветренным словам,
на сарафан с примятой складкой,
как ангел, брошенный к ногам...

над волосами цвета льна
летают жаворонков стаи —
ваш стан колеблется едва,
играя сонными перстами...

наш спор мне кажется ненужным —
с серпом в протянутых руках,
оставив сердце в облаках,
как тонкий месяц, безоружным...

Адамант

Закачусь как ранняя звезда
в полуночном зареве без тени,
осыпая золото с листа,
как пыльцу с соцветия растений...

Бог не создал призраков морей —
Он с землей жену для мужа создал,
чтобы зовом зреющих полей
человек продлил сиянье звезд.

Было так, что прежние века,
умирая, загорались светом.
Но, достигнув глаз, издалека
на ресницах замирали с ветром.

Стали горьки сладкие плоды,
стала в сердце смутная тревога
подниматься краем из воды,
из сосуда, слепленного Богом...

И тогда невольно человек
обернулся с неба к вечным звездам,
и продлив сияние навек —
он впервые понял, что не создан...

Не проложен путь его в веках,
и на поле злак придавлен камнем.
Как-то в небе вспыхнул адамант —
и Господь назвал меня Адамом...

А потом из глубины веков —
так скажу, осталось невоспетым —
загорелась первая любовь
как звезда, протянутая к смертным.

Апология Птолемея

заря погасла —
солнечный восход,
закат луны
и звездные лекала
не победил земных законов свод,
пока его судьба оберегала...

как прежде
на скрещении дорог
поднимет ветер
хороводы листьев:
взошла на трон и умерла любовь
как полотно, покрашенное кистью...

не поражайся
сонной глубиной —
вселенная
не гелиоцентрична,

она восходит вечно
под луной
и обгорает на огне
как спичка...

Осень

Из цикла миниатюр «Времена года»

осенней песней начинаю путь,
когда листва, проглядывая в звездах,
ложится под ноги и на лету,
бродя знакомым привкусом во рту,
смертельным вздохом наполняет воздух.

бреду во тьме, как месяц в облаках
в звенящий ворох опуская ноги,
сбавляя шаг, как в Дантовых стихах
и в сновиденьях на офортах Гойи.

нет позади, нет впереди предела,
положенного стынувшим ногам,
бреду во тьме, как месяц к облакам,
не прозревая скорбного удела.

Три стиха о поверженных светилах

1

на свет таинственный луны
я загляделся. вы сказали,
что прежде были влюблены —
но только этого не знали...

я продолжал глядеть на свет,
разлитый в сумеречном небе,
а вы терзали свой корсет
как корку на сгоревшем хлебе...

2

звезда упала. я сказал,
чтоб вы желанье загадали,
хотя, конечно, угадал,
что вы успеете едва ли...

вы глупость девичьей мечты
доверили тому светилу,
что, оглянувшись с высоты,
над вами шло неотвратимо...

3

на закат фиолетовый
я смотрел без лорнета,
но ко мне со штиблетами
подошла Виолетта...

все законы природы
нарушены сразу —
опрокинув звезду,
как старинную вазу,
засучив рукава,
собираю осколки,
но любовь умерла,
как звезда в гороскопе...

мне сон напоминает невесомость:
в бессмертии растерянной души,
приняв за очевидное условность,
разбилась плоть как глиняный кувшин...
и звезды набегают на глаза,
как невзначай упавшая слеза...
и впереди — покуда видит око —
чернеет ночь, как царская дремота...

Св. Себастьян и его Душа

снег ложится на крыши
как на воду блесна
замирают как вишни
ваши губы от сна

ваши руки ложатся
как стрелы на грудь
и холодные пальцы
мешают вздохнуть

вы одна без причин
в одеянье из снега
отвернув палантин
опускаетесь с неба

я беру вас на руки
целую в виски
возвращаясь с прогулки
мы снова близки...

Pas de deux

я шел вперед,
не смея оглянуться —
и облака бежали из-под ног,
как мотыльки
на отраженье блюда
или звезда на лампы огонек...

и уголок души
портняжной ниткой,
и белоснежный тела отворот
я зашиваю с мраморной улыбкой
как ангел с крыльями,
лишенный ног...

Память

Июльская песня о Грузии

мне кажется, луна
другая здесь и люди
теснятся в городах
с неведомых времен,
оставив солнце как
сияние на блюде
и кровь на куполах
по склонам древних гор...

та родина моя,
или чужая — все же
не разберусь в тебе,
покуда не вкушу
на виноградной кисти
сорванную с кожей,
и голосом реки
невнятную как шум...

твои шаги я слышу
в небесной глубине,
в немой голубизне
распахнутого свода
и глаз твоих не вижу,
и беспокойно мне,
когда ладонь в огне
минутного озноба...

но кажется, луна
другая здесь и люди
теснятся в городах
с неведомых времен,
оставив солнце
как сияние на блюде
и кровь на куполах
по склонам древних гор...

Кайс

на звездном небе взгляд знакомых глаз
остановился, растворяя сумрак,
и бледный день как зарево погас,
а ночь пришла как маятник безумных.

я деревом родиться не успел,
стою во тьме, протягивая руки, —
и падаю как бабочка во сне,
чтобы собрать пылинки с ваших туфель.

Эсквилин

Мгновения жизни

могила заросла —
над ней не властно время:
травы и лепестка
изменчивое бремя,
прожилки листьев,
как тепло в ланитах,
хранят покой
на погребальных плитах...

весна, зима
по ним едва заметна,
душа во сне
затворена как клетка,

послушная
незримым голосам,
над ней
восходит солнце к небесам,
родня с живыми
отзвуки надежд, —
так остается
бездыханно-свеж
румянец на щеках
и влажный пламень
открытых губ,
пока на сердце камень
не упадет как тень
к закату дня,
блеснув минутным
заревом огня...

причуда
на гранитном изваянье —
угасла жизнь
насмешкой в полусне
и замерла, себя не узнавая,
как след аборигена
на песке...

Гелиотроп

среди цветов
и лилий полевых,
когда над ними бабочки порхали,
я был один,
как тень среди живых,
взирая на иссушенный
гербарий...

клонился день —
когда закрыв глаза
и опуская голову на камень,
я сердцем уносился в небеса,
касаясь звезд протянутых руками...

там, в глубине, сокрытые от нас,
обманчивые кружатся светила —
как камни очарованные глаз
во тьме, что нас навек опередила...

Помни о смерти!

хлебом с вином
я встречаю рассветы...
девушку — тенью
в каменном склепе,
не дозвонится
колокол медный
в мертвое сердце:
помни о смерти!

помни о том,
что все умирает,
даже листва
облетает от ветра,
звезды, коснувшись
зыбкого края,
падают,
не дожидаясь ответа...

голос бывшего
не умолкает
десять, пятнадцать,
двадцать столетий —
лишь для того,
чтобы на камне
высекли надпись:
помни о смерти!

так изначально
была омраченной
каждая первая
радость на свете,
звездное небо
кажется черным
лишь потому, что
помнит о смерти...

только одна есть
надежда, что может
всякая боль
оказаться последней,
путь перед нами
в мгновение прожит —
значит, не нужно
думать о смерти!

